Текст · 9 января 2020, 10:16
Дмитрий Швец,

«Так у нас в системе делается, что либо ты говоришь, либо ты сидишь». Экс-начальник уголовного розыска из Ленинградской области рассказывает, как ФСБ расследует дела против полицейских

31-летний майор Илья Щукин — бывший начальник отдела уголовного розыска Тосненского ОВД Ленинградской области. Он прослужил в органах внутренних дел десять лет, а потом стал подозреваемым в организации сбыта наркотиков (часть 3 статьи 33, пункты «б» и «г» части 4 статьи 228.1 УК), организации фальсификации доказательств (часть 3 статьи 33, часть 3 статьи 303), получении взятки в крупном размере группой лиц с вымогательством (пункты «а», «б» и «в» части 5 статьи 290) и превышении служебных полномочий с причинением тяжких последствий (пункт «в» части 3 статьи 286). По словам полицейского, после задержания его пытали сотрудники ФСБ, добивавшиеся признательных показаний. Летом суд оправдал Щукина по большинству предъявленных статей, а получение взятки переквалифицировал на покушение на мошенничество (часть 3 статьи 30, часть 3 статьи 159 УК); по этому обвинению его признали виновным и приговорили к трем годам и четырем месяцам лишения свободы. Уже через два месяца Щукин вышел на волю — еще до приговора он отбыл почти весь назначенный судом срок в СИЗО. Находясь под арестом, майор был признан потерпевшим по делу о пытках, однако ни одного подозреваемого в нем до

сих пор нет. «Медиазона» записала рассказ бывшего полицейского.

Полицейский

После окончания школы я поступил в школу милиции в Санкт-Петербурге. Окончил ее и пошел в Тосненское ОВД уже лейтенантом — милиции тогда еще — на должность оперуполномоченного. Это было в 2008 году. Все десять лет я работал в уголовном розыске одного ОВД: от лейтенанта до майора, от оперуполномоченного до начальника отделения уголовного розыска. Семь лет я отработал в розыскном отделе, а в 2015 году меня поставили на должность уже начальника отделения борьбы с имущественными преступлениями.

За это время были задержания коллег, в том числе — сотрудниками ФСБ. По-моему, в 2011 году — непосредственно товарищ, так сказать, коллега, [который] со мной работал в одном отделе: я тогда старшим оперуполномоченным был, он — просто оперуполномоченным.

Я тогда как раз с начальником уехал в командировку в Москву, и буквально возвращаюсь с командировки, его руководитель с нами был, и нам сообщают, что задержали его подчиненного, моего коллегу, с которым я сидел в одном кабинете, рядом столы. Я понятия не имел, не знал и не думал, что он совершил какое-то преступление.

Задерживали полицейского — разрядили два электрошокера

В Ленобласти оперативники, арестованные по делу о подброшенных наркотиках, обвинили ФСБ в пытках

Потом также были задержания сотрудников ОБЭПа[I], тоже сотрудниками ФСБ — еще было два случая, по два человека задерживали. Как правило, об этом как раз-таки и не говорят: кажется, что такой ажиотаж, что все обсуждают, а на самом деле — как бы да, обсуждают, но в каких-то своих узких кругах, потому что все боятся на себя тень нагнать после очередных задержаний и лишний раз не хотят попадать в поле зрения. То есть на совещании руководство сообщает, что вот такая ситуация, остальное — это уже, наверное, в маленьком кругу. В принципе, то же самое я прочувствовал и на себе: только единицы из бывших коллег посещали судебные заседания, поддерживали и все остальное. Большинство, с кем я работал бок о бок десять лет, вообще как бы проигнорировали.

Если я ничего не знаю и не располагаю информацией, то как я могу такое обсуждать? Кто-то у нас любит поболтать, кто-то — нет. В моем случае — если я не присутствовал там, не видел, не располагаю информацией, то зачем я буду рассуждать? Все мои рассуждения это было—не было. Наверное, было. Я, наверное, соглашусь с таким понятием, что нет дыма без огня. В моем случае у меня были подчиненные, которые совершали преступления.

Краснов[2] был в отделе человек абсолютно новый,

пришел в 2016 году, не отработал даже и года в уголовном розыске [до задержания]. В принципе, за службу зарекомендовал себя как исполнительный, он проявлял инициативу. Теперь я понимаю, каким способом. Он, видимо, людей заставлял совершать преступления, продавать наркотики, а потом этих же людей задерживал, и нам преподносил это все как свою оперативную информацию. Это мы сейчас уже понимаем. А пришел он из ППСП[3].

, там долгое время отработал. Наверное, эти все службы, они портят человека, который ежедневно сталкивается с предложением коррупции, скажем так. Наверное, где-то Краснов ломанулся не в ту сторону. Соответственно, с этими же мыслями и пришел на службу в уголовный розыск, но не проявлял себя никак в этом плане. Как оказалось, получается, в 2016 году, будучи уже сотрудником уголовного розыска, он сговорился на совершение преступления со своим бывшим коллегой Сергеем Ельковым, с которым он раньше служил в ППСП.

Но исполнительность Краснова — это же не только задержания, там много бумажной работы, много документов. Человек готов сидеть вечерами не дома, а доделывать материалы, печатать, допрашивать людей. Если надо ехать в город в ночное время на мероприятия розыскные, то он едет. Некоторые сотрудники скажут: «Нет, я не поеду», и хоть ты что с ними делай, не поедут и все. Другой, например, побубнит-побубнит: «Почему я?» и вспомнит приказ, а другой не будет рассуждать: «Надо — значит надо». В принципе, он так себя и вел: надо — значит надо. Думаю, это все-таки была позиция, что нужно себя

зарекомендовать; он только пришел и стал выполнять все поручения, всю работу дополнительную. Тем более, он не женат, детей у него нет, даже девушки на тот момент, по-моему, не было. То есть дома ему тоже делать нечего, в принципе он не скучал на работе. Ему это было не в тягость.

Подозреваемый

Там как получилось: в 2017 году в апреле месяце [мы] проводили мероприятие оперативное — была информация о некоем гражданине, который будет хранить наркотики. Соответственно, там были подготовлены документы, выехали два оперуполномоченных, [Дмитрий] Краснов и [Руслан] Риттер, и я поехал с ними. У нас был рейд очередной, и мы должны были проработать информацию по наркотикам. И информация эта поступила Краснову о том, что будет хранить [Алексей] Беспалов. Фамилия Беспалов мне вообще не была известна. Хотя ранее, в 2016 году, он задерживался этим же Красновым и другим сотрудником. В тот раз я был в отпуске, и поэтому не отслеживал, кого задерживали.

Бойцы спецназа ФСБ окружили машину Ильи Щукина 12 апреля 2017 года, когда он ехал на задержание со своими подчиненными. «Медиазона» подробно писала об этой запутанной истории: по версии следствия, полицейские заставили неоднократно судимого местного жителя Алексея Беспалова, который продавал гашиш гражданину Узбекистана Баходиру Эргашеву, подбросить покупателю более тяжелый

наркотик-амфетамин. Но Беспалов вместо стимулятора подсунул ему толченый супрастин. Когда в отделе обнаружили, что веществ, найденных у Эргашева, недостаточно для возбуждения уголовного дела по тяжкой статье, супрастин подменили амфетамином. Эргашев был впоследствии оправдан по обвинению в хранении амфетамина, отбыл наказание за гашиш и уехал из России. Щукину вменялась организация этой хитроумной операции и получение взятки от Беспалова. Ключевые показания против него дал оперативник Дмитрий Краснов, полностью признавший вину и получивший условный срок. По большинству статей майора оправдали, осудив лишь за покушение на мошенничество: как решил суд, он с подельниками собирался получить от Беспалова 200 тысяч рублей, обещая ему подписку о невыезде вместо более суровой меры пресечения. Приговор Щукин уже обжаловал.

У сотрудников ФСБ были ПТП[4], они располагали информацией, что в августе 2016 года Краснов также задерживал Беспалова и совершил мошеннические действия в отношении него, пообещал ему подписку о невыезде, но не имел нужных полномочий.

Из материалов дела стало ясно, что подчиненные потом предлагали ему подписку о невыезде, этот разговор был 6 апреля 2017 года, они втроем общались, тогда Беспалов согласился на их условия. Понимаете, там ни разу не прозвучала ни фамилия Щукин, ни имя, ни в одной прослушке. Потом я заявлял следствию и суду, что я в это время находился вообще в другом регионе, покупал себе охотничье

ружье в городе Великий Новгород. А в обвинении написано, что я все-таки находился в дневное время в городе Тосно — я там просто физически не мог находиться, но никто это в расчет не взял. Краснов говорит, что я был осведомлен [о планах взять деньги у Беспалова]. Мы спрашиваем — как? На предварительном следствии, на первом же допросе он поясняет, что в его телефоне имеется переписка между мной и ним о вымогательстве денег у Беспалова. Так вот, потом мы смотрим в этом телефоне, изъятом у Краснова — и переписки не обнаружено. Как это можно назвать?

Думаю, изначально он не собирался давать никаких ложных показаний. Я был с Красновым, когда его задерживали, по служебной необходимости, часто участвовал в задержаниях — у нас маленький отдел. Наверное, сотрудники ФСБ с ним общались точно таким же способом, как и со мной — применение физической силы, электрошокера. Либо поставили перед выбором. Так у нас в системе делается, что либо ты говоришь, либо ты сидишь. Как удобно следствию, так он и говорил. Сотрудники ФСБ увидели во время задержания его непосредственно начальника — конечно, это для них лакомый кусок. Почему бы этим не воспользоваться?

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Не первый год идет вражда между МВД и ФСБ, они считают себя выше. На вопрос: «В

каком звании?» я тогда ответил: «Майор». «Ты что его, купил?» — спрашивают. Слушайте, я его не купил, посмотрите на мой послужной список. Все звания соответствуют должностям. И, соответственно, звучит-то как: не просто рядовые сотрудники оперуполномоченные [задержаны], а под руководством целого их начальника, руководителя. Тем более, должность-то звучит вроде бы и неплохо — замначальника уголовного розыска Тосненского района. Это все их статистика, им надо показать свою работу, что они не просто там раскрыли, пэпээсников каких-то задержали, а целого начальника.

Сначала мне дали сразу два месяца ареста, я отсидел, потом приехал на первое продление, и суд мне избрал домашний арест. И через три с половиной месяца на домашнем аресте мне сфальсифицировали нарушение и изменили меру пресечения: пару раз заглушили сигнал, и все — произошло разъединение браслета электронного с сервером. И обратно попал уже в «Кресты», сначала старые, потом новые[5]. Опять же, зачем это было сделано? Два месяца в СИЗО, три месяца дома, а потом опять в СИЗО. Год и шесть я пробыл. Наверное, другой спросил бы следователя, что нужно сделать или как надо дать показания, чтобы обратно вернуться под домашний арест. Я стоял на своем и на такие условия никогда не собирался соглашаться. За собой вины я не чувствовал и тянуть за другого лямку я не собираюсь. Я не оспариваю тот факт, что святых в погонах нет. Невозможно быть святым в погонах. Это я вам скажу как бывший сотрудник УВД и как майор полиции. Это не от того, что такие люди. Ведь, может, их в такие рамки ставит система. Это отдельная тема для разговора. Но я следователю сказал: «За другого я

не собираюсь тянуть лямку, вешать на себя чужое преступление. Если у вас есть ко мне какие-то конкретные вопросы по моей службе — я готов с вами общаться. В данном случае я не собираюсь идти на компромисс, что-то брать на себя, признаваться».

А в деле Беспалов, который в обороте ФСБ находится — на нем висят сбыты, на нем висят хранения. И я думаю, сотрудники ФСБ ему просто пообещали: ты говори, как нужно, как нам удобно, у тебя будет условно и 40 [тысяч] штрафов. У него три судимости за хранение, и он реально ни за одно не сидел, ни за одно не получил реального срока.

В поле шокер и бойцы спецназа «Град»

В отношении сотрудников петербургского ФСБ, которые пытали двух полицейских, возбуждено уголовное дело

Беспалов же продал гашиш гражданину Узбекистана Эргашеву. В суде я подавал ходатайство, чтобы суд запрашивал, есть ли дело — оказалось, что в нашем следственном отделе два года вообще не возбуждали

дело по сбыту. Сейчас его возбудили, но там все лежит глухарем, хотя по сути есть протокол допроса Беспалова, где он говорит: «Я продал Эргашеву гашиш в таком-то размере на такую-то сумму». Это прямой сбыт, у нас сбытчик ходит по улице[6], а никто ничего не делает. Думаю, дело тогда не возбуждали с подачи ФСБ, потому что Беспалов дал показания, как им было удобно; это мое мнение. Вот и весь мотив и интерес Беспалова говорить вот так.

С Риттером[7] вообще ситуации очень интересная, потому что на предварительном следствии он дал показания против меня, однако в суде буквально в мае этого года он дал совершенно другие показания — сказал, что я ему никакие деньги не передавал, что деньги передавал только Краснов, и что он понятия не имеет, знал ли я о совершаемых преступных действиях. Так вот, на вопрос судьи, почему давал раньше другие показания, он рассказал следующее: «А мой допрос в следствии проходил так: передо мной положили допрос Краснова уже напечатанный, и следователь сказал: "Если он будет хоть немного отклоняться от твоего допроса, они тебя посадят под стражу"». Риттер пояснил, что на тот момент у него супруга была в декрете, была малолетняя дочь чуть ли не грудного возраста, он сказал: «Я понимал, что если меня посадят под стражу, то кто их кормить будет? И я дал те показания, которые были удобны следствию».

Следственный комитет не такой уж и независимый от сотрудников ФСБ. Понятно, что он не в прямом их подчинении, но в негласном подчинении точно. Раз такая карусель уже закрутились, раз уж шокер применили, попытали таким уж унизительным

способом, соответственно, надо как-то его скручивать в эту преступную схему. Потом дополнительные составы преступления, связанные с наркотиками, по которым оправдание вынес Тосненский суд.

Я не испытываю какого-то негатива к судье, которая приняла это решение. Да, она не оправдала, признала меня виновным не во взятке, а в мошенничестве. Я не говорю, что она неправа, несправедлива, потому что я трезво смотрю на структуру и понимаю, что на нее также оказывалось колоссальное давление. У нас, конечно, говорят, что есть независимые судьи, но, к сожалению, только на бумаге — это известный всем факт. Я доволен ее работой, так как она разобралась, не пошла на поводу, старалась в чем-то быть независимой. Здесь сыграло психологическое давление со стороны всех структур. Судье было сложновато принять мои слова во внимание, так как есть допросы подсудимых, и они тоже ложатся в основу приговора. Я думаю, что следствием было сделано так, что у подсудимых просто не было другого выхода. Кроме моих слов и показаний Риттера присмотреться не к чему. Она, судья, может, и видит все, но ничего сделать не может. Она сделала свою работу насколько можно справедливо, но она — тоже человек. И не все от нас зависит. Тем более сейчас я вижу дальнейшую перспективу борьбы. Не обижаться же на судью.

Потерпевший

Это город Тосно, парковка возле строительного магазина «Мой дом», практически в центре города. Подъехали микроавтобусы с сотрудниками ФСБ.

Положили в асфальт, наручники. Сначала меня и Краснова отвели в один из микроавтобусов, их было несколько. Задали по одному вопросу, спросили у Краснова: «Что ты здесь делаешь?», он ответил: «Мне нечего пояснить». Задали вопрос мне: «Что ты здесь делаешь?». Я сказал: «Мне нечего пояснить». После этого нас развели по разным микроавтобусам, что происходило с Красновым — я не знаю, могу догадываться. Думаю, что то же самое, что и со мной, но все прекратилось намного быстрее: ему-то было что рассказать. Меня отвели в другой микроавтобус сотрудники «Града»[8]. Положили в салон автомобиля.

Я начал объяснять, как я здесь оказался, куда я ехал, зачем, с кем я должен был встретиться. То есть в принципе чуть ли не весь свой рабочий день рассказывал, потому что это было уже в семь вечера.

Их эти ответы не устраивали, сначала продемонстрировали мне шокер, потом они стали разряды делать в пальцы рук, далее — по увеличению, в икры, в бедра, затем стали пугать, спрашивать, есть ли у меня дети. Я отвечаю, что да, у меня двое детей. Пообещали: дальше мы будем применять шокер тебе в паховую область, и больше ты девушек не будешь интересовать как мужчина, детей у тебя больше не будет. То есть сначала морально запугивали, потом начали уже реально применять — в паховую область непосредственно наносить удары током.

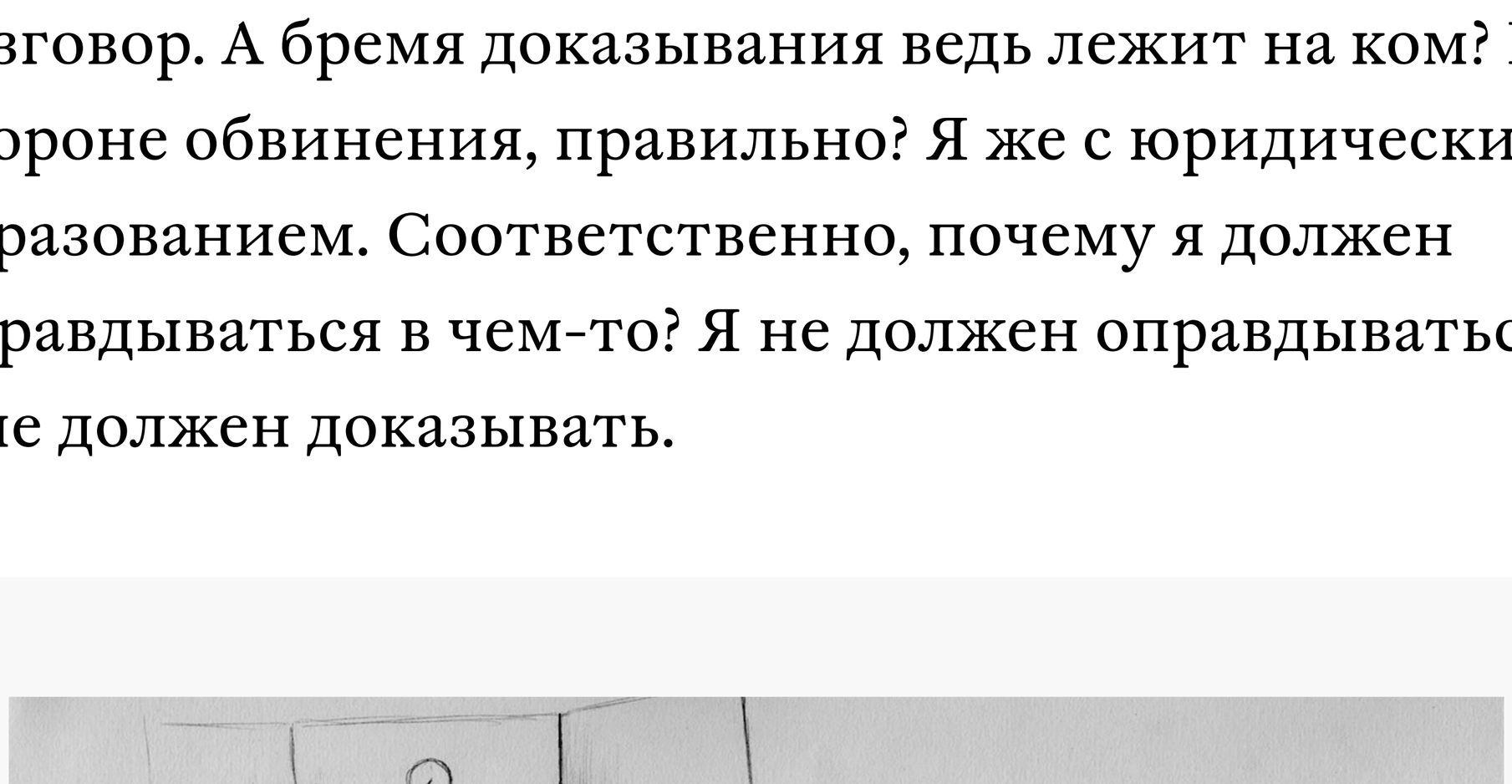

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Потом и в область анального отверстия. Там, знаете, такие процедуры были, что прямо с потерей сознания, я просто отключился. Потом я начал кричать, потому что это была стоянка — я думал, они все же прекратят свои действия, потому что вокруг люди все-таки паркуются. Но они поступили просто элементарно: сняли с меня носок, засунули его мне в рот как кляп, перевязали шнурком от капюшона моей куртки и продолжили. Периодически, раза четыре-пять, с разницей в 10-15 минут, заходил старший оперуполномоченный Алексей Витальевич Фролов. Он спрашивал сотрудников «Града», что я говорил, они ему отвечали, что говорил всякую чушь, после чего Фролов давал им прямые указания дальше продолжать [пытки]. То есть он мне открыто говорил то, что дальше будет хуже. И сотрудникам «Града» при этом говорит: «Продолжайте с ним работать». И вот так примерно час-полтора. Я уже не говорю о том, что по мне элементарно ходили сотрудники «Града».

Увели в другой автобус, там я час простоял на коленях, и потом увезли в отдел ФСБ, где я провел всю ночь, там у меня выспрашивали код от телефона. Я сказал, что нет, я не буду давать, потому что в телефоне находится информация про моих родственников, моих детей, мою супругу, моих еще на тот момент действующих коллег — то есть там есть личного характера какие-то переписки, какие-то файлы, видео, фото. При этом я понимал, что этот телефон у меня изымут. Я и следователю сказал — направляйте на экспертизу как положено, пускай эксперт вскрывает его, ломает. Я же не против, но законным способом. А вот так вот нагло ковыряться — это незаконно. Я не сильно разбираюсь в технике, но я боялся, что просто-напросто создадут там такие-то

левые звонки, левые переписки. Как я потом докажу обратно, что это не мое? Официально же можно изъять, направить специалистов, экспертов, которые под страхом уголовной ответственности никогда не фальсифицируют свой результат, правильно? То есть он напишет в заключении только то, что есть, не припишет ничего лишнего. Вот это будет законно. Но вот так вот отдавать в руки до официального изъятия — ну это неразумно просто, тем более, зная эти методы сотрудников ФСБ. Им проще, наверное, фальсифицировать это. Да и что ФСБ — наверное, и в МВД имеются такие случаи. Да ради бога, есть официальное изъятие, порядок. Изымайте, направляйте, назначайте, вот это другой разговор. А бремя доказывания ведь лежит на ком? На стороне обвинения, правильно? Я же с юридическим образованием. Соответственно, почему я должен оправдываться в чем-то? Я не должен оправдываться, я не должен доказывать.

«Ты пойми, офицеры ФСБ всегда добиваются своих целей!»

Антифашист Виктор Филинков рассказывает о первых сутках после задержания

[Так что когда] фээсбэшник Фролов принес телефоны, которые он забрал у всех задержанных, в том числе и мой, и потребовал сказать код. Я ответил: «Не скажу, следователь пускай изымает». После чего он говорит, что остальные сообщили код. Ну отлично, это их решение, их право, и он с сейфа берет шокер и со словами: «Мне рассказали, что тебе это очень понравилось. Не хочешь повторить?» делает разряды в воздух. Я уже готовлюсь, что сейчас опять будет применение, но его руководитель товарищ Александров остановил — сказал, что не надо, убери. Запугивание было, но это словесно, то есть применения-то [на этот раз] не было.

То, что дело [по заявлению о пытках] завели — на самом деле, для меня это тоже большое удивление. Опять же, есть этому объяснение: после пыток мы сообщали следствию о том, что в отношении нас были совершены преступные действия, описывали их, просили провести проверку, отдельно подавали заявление в прокуратуру нашу местную, в Следственный комитет отдавали нас, то есть просили полноценную проверку провести. Более того, родственники Ласлова[9] писали во все инстанции, начиная от президента и заканчивая управлением[10], которое контролирует ФСБ. Везде ни ответа, ни привета.

Но потом уже, спустя год, в 2018 году я обратился в общественную наблюдательную комиссию города Санкт-Петербурга, через адвоката удалось отправить

письмо им, чтобы оно дошло. Когда ко мне приехали сотрудники ОНК и побеседовали со мной уже в СИЗО, я им рассказал, я им отдал заявление, подробно расписал, как проходили пытки. Они на тот момент, в октябре 2018 года, вынесли заключение о противоправных действиях сотрудников ФСБ. Там, в том числе, был описан наш случай. В СМИ попала информация, попали фотоснимки следов от шокера, их у Ласлова родственники успели сфотографировать в суде. И, соответственно, пошло большое освещение. А на тот момент, весь 2018 год Ласлов бился с военным судом. Он каждый раз обжаловал через суд вот этот отказ[11]. Суд отменял, возобновляли проверку, проверка — опять отказ, он — опять в суд. И так раза три-четыре было. И все совпало, потом приехал уже сотрудник с управления[12] Акимов Олег Михайлович, он побеседовал с нами предварительно, после чего, как я понимаю, съездил в Москву, где ему дали зеленый свет, после чего они возбудили дело. И только когда в СМИ это начало освещаться, наш СК отправил материалы проверки по этим пыткам. То есть те все наши заявления, те все материалы, которые у них имеются, больше восьми месяцев они у себя держали и ничего не отправляли. И вот только в декабре 2018 года поступил к военным от СК какой-то пакет документов, до этого здесь все глухарилось. И прокурором, и СК. Есть заседание, где я жаловался на бездействие прокурора, что я подавал ему своевременно заявления о преступлениях сотрудников ФСБ, а он просто их игнорировал. И в феврале, получается, того года-[13] военные возбудили это дело. Почему? Наверное это все-таки потому, что какая-то огласка пошла. Я думаю, что это больше уже с политикой связано,

мы просто попали. Я для себя откровенно понимаю, что нам могли до сих пор отказывать, как угодно мотивировать, но не давать никакого хода этому делу. Это в нашей стране реально. Просто так получилось. Каких-то рычагов давления лично у меня никогда не было и, наверное, не будет, не те мы персоны в этой стране, чтобы иметь такие возможности и ресурсы.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

В суде я узнал, что там господин Ельков на месте задержания видел, как я оказался в микроавтобусе, как меня пугали шокером, как Фролов подходил, в какой позе я был, как сотрудники «Града» себя вели и как шокер держали. То есть все эти моменты уже зафиксированы военным следствием, однако вот уже девять месяцев у нас следствие. И я вот буквально на днях созванивался со следователем, а все, что он мне смог пояснить — они ищут исполнителей, сотрудников «Града», а те в масках были, лиц их никто не знает. Хотя это тоже глупо: их заказывали, определенный состав команды, который выехал в город Тосно, это же все фиксируется, кто выезжал — это не сложно установить, не знаю, какие у них сложности возникают. Я им поясняю, что у вас есть организаторы, которые давали непосредственно указания. В данном случае у меня — Фролов. Я слышал, видел его, меня допрашивали, он давал указания. Организацию 286-й[14] смело можно вменять и направлять дело в суд. Следователь объясняет, что,

опять же, они военные, у них статистика раскрытия стопроцентная, и они не хотят себе ее портить.

В любой службе не без изъяна, но, конечно, я разочаровался, потому что я видел одну сторону медали, а сейчас увидел вторую. Конечно, не так я представлял, потом что с людьми происходит. Разочаровался, наверное, не в системе, а больше в законодательстве. Если бы у нас законодательство работало, как в Европе, то у нас бы не было таких проблем, а у нас оно вообще несовершенное. Что касается системы, то за десять лет службы в уголовном розыске на меня ни одной жалобы не было, что я кого-то пытал, бил, истязал. Я просил это проверить, между прочим, просил суд проверить информацию, есть ли такие заявления — их не было. Меня сейчас уволили, суд запретил занимать должности в полиции. У меня есть высшее юридическое образование, вполне можно оказывать юридическую поддержку по договорам, в том числе этим и занимаюсь. Но я бы вернулся на службу, несмотря на то, что есть. Все, что я хочу сейчас от военных [следователей] — привлеките виновных, найдите их и привлеките.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Отдел борьбе с экономическими преступлениями.

2. Дмитрий Краснов — оперативник, который дал показания против Щукина.

3. Патрульно-постовая служба полиции.

4. Прослушивание телефонных переговоров.

5. СИЗО-1 Петербурга на Арсенальной набережной. Из-за крестообразных в плане корпусов известен как Кресты. Одна из

старейших тюрем России. В 2000-х ФСИН и правительство Петербурга договорились о выводе изолятора из города, в 2017 году в Колпино открылись корпуса СИЗО, получившие название Новые Кресты.

6. По словам Щукина, сейчас Беспалов находится в розыске.

7. Руслан Риттер — еще один полицейский, осужденный по этому делу и получивший условный срок.

8. Отряд спецназа ФСБ.

9. Лейтенант Сергей Ласлов позже был задержан по тому же делу; как и Щукин, он категорически отрицал свою вину и говорил, что подвергся пыткам.

10. Имеется в виду военный следственный отдел СК.

11. В возбуждении дела о пытках.

12. Военного следственного отдела СК.

13. 2019-го.

14. Превышение должностных полномочий.